

УДК 141.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-44-52>

Поступила: 26.11.2023

Принята: 27.12.2023

Опубликована: 11.04.2024

РАСЩЕПЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ И ДЕЦЕНТРИРОВАННЫЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПИСЬМА

Диль Игорь Владимирович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Целью данной работы является артикуляция структурных связей между расщепленным субъектом в рамках фрейдовского и лакановского психоанализа и децентрированным дискурсом в рамках (пост)структуралистского философствования на материале работ Деррида. Как психоанализ, так и проект Деррида оказываются особого рода не-регионалистскими (в смысле региональных онтологий) проектами, пытающимися артикулировать и продемонстрировать то, что упускается в классической метафизике присутствия. Как психоанализ, так и деконструкция направлены на то, чтобы вырвать у присутствия примат его трансцендентности, показать, что «центральный» элемент письма является эффектом самого этого письма, но не точкой референции, к которой это письмо якобы отсылает. Субъективность также оказывается не точкой самоналичия и самотождественности, а эффектом структуры. Субъективность обнаруживает себя в пространстве письма, а само письмо оказывается топосом субъективности. Обнаружить следы психоанализа в работах Деррида можно посредством сопоставления концепта *différance* Деррида и понятия последствия Фрейда: именно через особую трактовку темпоральности как прошлого, которое никогда не было настоящим, можно осуществить акт деконструкции как акт разрушения всякого акта (поскольку акт оказывается отнесенным к субъекту). Результатом работы является определенная рационализация *différance*, которое оказывается «сердцем» деконструкции у раннего Деррида, и такая рационализация осуществляется через сопоставление с функционированием последствия в структуре травмы. Субъект тем самым оказывается принципиально разорванным, и этот разрыв является конститутивным для субъективности как таковой, субъект обнаруживает в письме след себя самого, но никогда не может обрести полного, чистого самоналичия. Новизна данной работы заключается в том, что проработке этой структурной взаимосвязи на уровне понятий, как правило, не уделяют должного внимания; в данной работе предлагается такая интерпретация, которая прослеживает взаимосвязь между деконструкцией и психоанализом не в общем, а на уровне связи концептов *différance* и последствия (а также бессознательного вообще), что позволяет прояснить употребление этих понятий во взаимосвязи, а также проливает свет на смежные понятия субъекта и письма.

Ключевые слова: *différance*, *Aufhebung*, присутствие, субъект, смещение, травма, желание, бессознательное.

Для цитирования:

Диль И.В. Расщепленный субъект и децентрированный дискурс: специфика субъективности в пространстве письма // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 44–52.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-44-52>

THE SPLIT SUBJECT AND DECENTRALIZED DISCOURSE: THE SPECIFICITY OF SUBJECTIVITY IN THE SPACE OF WRITING

Igor V. Dil

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

The goal of this paper is to articulate the structural links between the split subject within Freudian and Lacanian psychoanalysis and the decentered discourse within (post)structuralist philosophy on the basis of Derrida's works. The paper examines the relationship between Derrida's deconstruction and classical and structural psychoanalysis. Both psychoanalysis and Derrida's project turn out to be a special kind of non-regionalist (in the sense of regional ontologies) projects attempting to articulate and demonstrate what is missing in the classical metaphysics of presence. Both psychoanalysis and deconstruction seek to wrest from presence the primacy of its transcendence, to show that the «central» element of writing is the effect of that writing itself, but not the point of reference to which that writing supposedly refers. Subjectivity also turns out not to be a point of self-identity, but an effect of structure. Subjectivity reveals itself in the space of writing, and writing turns out to be the topos of subjectivity. The traces of psychoanalysis in Derrida's works can be detected by comparing Derrida's concept of *différance* with Freud's notion of afterwardness: through the special interpretation of temporality as a past that was never the present, the act of deconstruction can be realized as an act of destruction of any act (because the act is attributed to the subject). The result of the study is a certain rationalization of *différance*, which turns out to be the «heart» of deconstruction in early Derrida's works — and this rationalization is done through comparison with the functioning of afterwardness in the structure of trauma. The subject thereby appears fundamentally ruptured — and this rupture is constitutive of subjectivity itself; the subject discovers a trace of itself in writing, but can never obtain full, pure self-identity. The novelty of this paper consists in the fact that the examination of this structural relationship at the level of concepts has generally been ignored; this paper proposes an interpretation that explores the relationship between deconstruction and psychoanalysis not in general, but at the level of the relationship between the concepts of *différance* and afterwardness (and the unconscious in general), which allows us to clarify the use of these concepts in relationship, and also sheds light on the related concepts of subject and letter.

Keywords: *différance*, Aufhebung, presence, subject, displacement, trauma, desire, unconscious.

To cite:

Dil I.V. [The split subject and decentralized discourse: the specificity of subjectivity in the space of writing]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 1, pp. 44–52 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-44-52>

Введение

Современная континентальная философия в наши дни пытается расположиться в пространстве гетерогенных множественностей, нечеловеческих акторов и не-корреляционистской философии. «Смерть субъекта» была констатирована еще в середине XX в., но вслед за ней не последовало смерти философии — напротив, философия начала искать новые, еще не изве-

данные пути, которые казались невысказанными с позиции старого рационализма, предполагавшего господство субъекта. Тем не менее, смерть субъекта — не какое-то «реальное» событие, связанное со смертью чего-то «сущностно» нам принадлежащего; смерть субъекта, как и смерть человека, знаменует конец определенного дискурсивного порядка, предполагающего опору на позитивность нередуцируемой сущности, называемой субъектом или че-

ловеком. При этом такой отказ может предполагать редукционизм субъективного либо к какому-то несубъективному принципу (воле к власти у Ницше или бессознательному у Фрейда), либо универсализацию принципа ирредукции (несводимость акторов к Природе или Обществу у Латура [Латур Б., 2013, с. 398]). Осмысление «смерти субъекта» идет уже достаточно давно, но нельзя сказать, что субъект изгнан из философии и потерял свое значение; он открылся как определенная позиция, как дискурсивная рамка, когерентность и единство которой, тем не менее, оказывается нарушенным. И это нарушение не оказывается проблемой, которую стоит решить — напротив, это нарушение, разрыв в сердцевине субъекта оказывается для самого субъекта принципиально конститутивным. Всем этим обусловлена *актуальность* проведенного исследования: современная философия часто пытается отбросить концепт субъекта без достаточной предварительной проработки. Проработка вопроса о субъективности, как представляется, должна двигаться в рамках нивелирования иерархической привилегии *его*, но без полного забвения самого *его*; *его* должно быть рассмотрено с точки зрения того, как оно оказывается конституированным в качестве расщепленного, и почему стремится избежать осмысления этой расщепленности. Именно здесь мы погружаемся в проблемное поле психоанализа. Но в то же время второй сильной теоретической базой для осмысления расщепления субъективности является *деконструкция*. Так, Деррида напрямую говорит о деконструкции следующее: «Деконструкция имеет место, это некое событие, которое не дожидается размышления, сознания или организации субъекта — ни даже современности. Это деконструируется. И это здесь — вовсе не нечто безличное, которое можно было бы противопоставить какой-то эгологической субъективности. Это в деконструкции (Литтре говорил: “деконструироваться... терять свою конструкцию”). И вся загадка заключается в этом “-ся” в “деконст-руироваться”, которое не есть возвратность какого-то Я или сознания» [Деррида Ж., 1992, с. 56]. Следовательно, деконструкция работает не только с «текстом» или «письмом» в их расхожем понимании (к такой работе ближе американская школа деконструкции как литературного направления,

наиболее известным представителем которой является Поль де Ман), но — и даже прежде всего — с субъективностью, которая некоторым образом получает свое «место» в письме. Прояснением этого отношения между письмом и субъективностью мы и займемся далее.

Основные понятия

Основные понятия, которые наиболее явным образом указывают на связь между психоанализом и деконструкцией, — это *différance* (*различае*) у Деррида, *последствие* у Фрейда, *бессознательное/желание/тревога* у Лакана. Но следует отметить, что, говоря об основных «понятиях», речь идет не о понятиях в классическом и метафизическом смысле; вся работа, которую пытается проделать Деррида, заключается в том, чтобы *différance* вырвать из дихотомии слова-понятия: «то, что я буду некоторое время называть словом или понятием различая <différance> и что, как мы увидим, не является буквально ни словом, ни понятием» [Деррида Ж., 2012, с. 24]. Сам Деррида характеризует *différance* следующим образом: «Различае — это то, что обуславливает то, что движение означивания возможно только тогда, когда каждый элемент, называемый “присутствующим”, выявляющийся на сцене присутствия, соотносится с чем-то отличным от себя, сохраняя в себе мету прошлого элемента и поддаваясь опустошению со стороны меты своего отношения к будущему элементу, поскольку след не в меньшей степени соотносится с тем, что называют будущим, нежели с тем, что называют прошлым, и конституирует то, что называют настоящим в самом этом отношении к тому, что им, настоящим, не является — в абсолютном смысле, т.е. к тому, что не является даже прошлым или будущим, понимаемым в качестве модифицированных моментов настоящего. Необходимо, чтобы некий интервал отделял его от того, что не является им, чтобы оно было самим собой, но этот интервал, конституирующий его в настоящем, должен также разделять настоящее в нем самом, разделяя таким образом вместе с настоящим все то, что можно мыслить из него, т.е. любое сущее, а в нашем метафизическом языке это, собственно, субъект или субстанция. Этот себя конституирующий, себя динамически разделяющий интервал и есть то, что можно назвать опространствовани-

ем, становлением-пространством времени или становлением-временем пространства (темпорализацией). И это конституирование настоящего как «исходный» и неустранимо непростой синтез, т.е., *stricto sensu*, не-исходный синтез мет, следов ретенций и протенций (если воспроизводить здесь — по аналогии и временно — феноменологический и трансцендентальный язык, который вскоре обнаружит свою неадекватность) я и предлагаю называть архиписьмом, архи-следом или различаем. Последнее (есть) (одновременно) опространствование (и) темпорализация» [Деррида Ж., 2012, с. 35–36]. Деррида пытается артикулировать то, чем именно является *différance*, но это не позитивное определение, поскольку этому термину дать однозначное позитивное определение попросту невозможно. Термин также указывает самим фактом своего написания на определенное проблемное поле, которое важно для Деррида — на поле письма. На французском языке *différance* и *différence* читаются одинаково, различие между ними можно увидеть только на письме. Эта концептуальная особенность хорошо передается в переводе термина *différance* на русский язык у Кралечкина: разницу между термином «различае» и «различие» невозможно ухватить при произнесении, поскольку звучат оба этих слова одинаково, но эта разница ухватывается в пространстве письма.

Для того, чтобы проследить связь между деконструкцией и психоанализом, чтобы увидеть, как письмо связано с субъективностью, нам следует рассмотреть, какую функцию выполняет *différance* в письме Деррида, и как сам Деррида увязывает свое письмо и свой проект с психоанализом.

Différance как первоначало первоначала

Différance направлено на то, чтобы проблематизировать и поставить под вопрос «сердце» всей европейской метафизики — присутствие. Присутствие является «трансцендентальным означаемым» [Деррида Ж., 2020а, с. 450], которое центрирует на себе всю систему различий, коей, например, является философское письмо, и тем самым становится предельной точкой референции. Присутствие структурирует всю систему различий, но из-за этой функции само перестает быть присутствующим, поскольку для того, чтобы работал знак, чтобы работало

означающее, должна иметь место отсрочка самого присутствия. Знак выполняет роль заместителя присутствия, обещая появление присутствия в дальнейшем. И *différance* определенным образом на эту «парадоксальность» указывает, но при этом само никогда не оказывается присутствующим: различае ~~есть~~ (именно в зачеркнутом виде, т.к. различае не есть как нечто сущее, присутствующее или как присутствие¹) «то, что делает возможным представление сущего-присутствующего, оно никогда не представляет себя в качестве самого себя» [Деррида Ж., 2012, с. 27]. Поскольку говорить (и писать) о *différance* в понятийно-позитивном ключе невозможно, попытка его обрести оказывается связанной с попытками негативной теологии апофатически обрести бога. Тем не менее, *différance* не является чем-то трансцендентным, сверхчувственным и превышающим бытие, каковым является бог. *Différance* — не центр, а механизм децентрирования, который пытается показать, каким же именно образом письмо приходит к тому, что оказывается структурой, имеющей центр. *Différance* указывает на то, что первоначало на деле не является первоначальным; проводя эту работу, *différance* само становится первоначалом первоначала, но оно не может оказаться положенным в качестве архэ, в качестве истока и трансцендентного первоначала. Различенность, понимаемая как нечто вторичное, всегда выступает как «условие возможности» формы первичности как таковой. Для того, чтобы *différance* обнаружился, необходима метафизическая структура центрированного текста, на котором *différance* и будет «паразитировать», выстраивая свою работу, демонстрируя непервоначальность центра и того, что полагает себя в качестве причины самого себя, в качестве субстанции, субъекта и прочих истоков. Иначе *différance* обнаружиться не может (при том, опять же, обнаружение это не предполагает данности в смысле присутствия), поскольку не является данным как нечто простое, как абсолютное начало. *Différance* отнесен к структуре запаздывания, отсрочки, «повременения». «Деррида подчеркивает тот момент,

¹ По поводу различия между присутствующим и присутствием см. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра [Хайдеггер М., 1991].

что настоящее, присутствие не является изначальным, скорее нужно говорить о том, что присутствие вновь конституируется, что конституирующее переживание настоящего отнюдь не являет собой чистоту живого присутствия» [Мазин В.А., 2010, с. 91].

Последствие: между событием и воспоминанием

Деррида сам указывает на то, что *différance* связано с фрейдовским понятием последствия и с понятием бессознательного: «...бессознательное, как известно, не является присутствием, скрытым от себя, виртуальным или потенциальным присутствием... Эта радикальная инаковость по отношению к любому возможному модусу присутствия отмечается неустрашимыми эффектами *последствия*, запаздывания» [Деррида Ж., 2012, с. 43–44]. При этом в работе бессознательного мы имеем дело не с тем прошлым, которое оказывается феноменологической модификацией настоящего момента, а с прошлым, которое никогда не было настоящим.

Вытеснение работает не так, что некоторое травмирующее событие оказывается вытесненным в бессознательное, из которого травматически продолжает влиять на психику. Скорее, вытесняется травматизм из «наличной» ситуации и переносится на прошлое событие, которое до самого этого вытеснения ничего травматичного в себе не находило. Это и есть воспоминание, которого никогда не было, воспоминание о травме, которая не является модификацией настоящего, но которая является никогда не бывшим прошлым. Важна не полнота присутствия события, которое якобы имело место, но также важно и не актуальное, наличное состояние текущей событийности, из которой бессознательно вытесняется травматизм — важно само напряжение между событием и воспоминанием, т.к. именно в этом разрыве и помещается травма. Сам Фрейд пишет об этом следующее: «Случай Катарини типичен в этом отношении, так как во всякой истерии, вызванной сексуальными травмами, можно обнаружить те переживания предсексуального периода, которые на ребенка не оказали никакого воздействия, но позднее, когда к девушке или молодой женщине пришло понимание ее сексуальной жизни, приобрели травмирующую силу

в качестве воспоминаний» [Фрейд З., 1995, с. 24]. Так и *différance* оказывается не на одном из «полюсов присутствия» — каковыми можно назвать отношения между знаком и смыслом (смысл есть присутствие, идеальное понятие, знак же представляет это присутствие в его отсутствие, но оказываясь всегда конечным, временным, поскольку обещает как будущий возврат полноты присутствия, так и его наличность в прошлом), — а между этими полюсами, но не будучи сам этим различием, а некоторым образом всегда-уже занимаясь проработкой этого различия.

Логика смещения и логика снятия

Деррида предлагает заменить гегелевскую логику *Aufhebung* (снятия) логикой «смещения». Если гегелевская спекулятивная диалектика претендует на то, что опосредование и всякая негативность нужна в конечном счете лишь для того, чтобы увеличить содержательный аспект присутствия, т.е. позволяет развернуться понятию в имманентном самодвижении, обретя в итоге всецелое позитивное присутствие, то логика смещения является скорее своего рода диалектикой без снятия, что позволяет самопротиворечивым структурам существовать не через преодоление противоречия, а через игру самой структуры на этом противоречии, поскольку оно выступает как условие возможности самой этой структуры, хотя сама структура эту самопротиворечивость не столько маскирует, сколько «забывает» о ней, вводя трансцендентальное означаемое и предполагая некую референциальность, хотя в отношении философского текста речь может идти не иначе как об автореферентности; тем не менее, введение трансцендентального означаемого пытается удержать рамочность самой структуры в отношении игры означающих, ведь если этого не сделать, то смысл окажется рассеянным и структура в бесконечной игре означивания потеряет саму себя, свою «серьезность». В работе «Фармация Платона» Деррида вспоминает об одном месте из «Толкования сновидений», в котором Фрейд описывает функционирование логики сновидений: «Вся эта путаница — а ничем иным является это сновидение — живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что он вернул ему взятую у него кастрюлю в негодном виде.

Во-первых, он вернул ее в неприкосновенности; во-вторых, кастрюля была уже дырявой, когда он ее взял, а в-третьих, он вообще не брал у него кастрюли» [Фрейд З., 2005, с. 115]. Это место Деррида вспоминает в контексте того, какую роль Платон отводит в своих работах письму, и это платоновское отношение оказывается противоречивым: «1. Письмо остается строго внешним и нижестоящим по отношению к живой памяти и живой речи, которые, следовательно, никак от него не страдают. 2. Оно вредно для них, потому что оно их усыпляет и заражает их в их собственной жизни, которая без него оставалась бы в целостности и сохранности. Если бы не письмо, в памяти и речи не было бы дыр. 3. Впрочем, если мы обращаемся к гипомнезии и письму, то вовсе не из-за их собственной ценности, а потому что живая память является конечной, потому что дыры были в ней еще до того, как в ней оставило свои следы письмо. Письмо никак не действует на память» [Деррида Ж., 2007, с. 138–139]. Соответственно, та же самая логика — логика смещения — действует как в сновидении, анализируемые Фрейдом, так и в рамках философского письма, анализируемого Деррида. В письме обнаруживается бессознательное, но и в бессознательном обнаруживается письмо: «Разбивка как письмо есть становление субъекта отсутствующим и бессознательным» [Деррида Ж., 2000, с. 196].

«Логика смещения» стремится обратить внимание на то, что некоторым образом выпадает из логики снятия, деконструкция всегда обращает определенное внимание на лакуны письма и систем: например, из логики снятия выпадает понятие конечности, и это заставляет конечность функционировать как *différance*, т.е. как первоначало первоначала, которое само не является метафизически-первоначальным: «Почему Гегель делает исключение для конечности, позволяя ей временно выпадать из механизма диалектического снятия? Это, полагает Деррида, связано с тем, что конечность играет решающую роль в процессе самообоснования Гегелем своей философской системы» [Азарова Ю.О., 2015, с. 99].

Бессознательное, желание, тревога

Еще одна структурная параллель, которая может быть обнаружена — это параллель между *différance* и *бессознательным* в структурном

(лакановском) психоанализе. Бессознательное не терпит бинарного противопоставления между индивидуальным и коллективным (что Лакан отмечает в противовес юнговскому понятию коллективного бессознательного), оно всегда оказывается символической структурой, которая ни индивидуальна, ни коллективна: она, скорее, покрывает все это поле и является условием возможности топологической структуры как таковой. Бессознательное — это речь большого Другого (т.е. Другого из символического регистра), но речь, понятая скорее как буква [Лакан Ж., 1996], как чистое означающее, а не как осмысленная и содержательная речь; речь эта похожа на требование, которое невозможно осмыслить, но которое внушает страх, поскольку ее повелительность очевидна, но неясно само требование, поскольку она содержит чистое требование. Это аналогично божественному требованию не прикасаться к дереву познания добра и зла, которое получили Адам и Ева. Они не могли познать, что именно внушает этот запрет, но могли уловить властный приказ бога (а бог есть не что иное, как большой Другой — это высшая степень символического), внушающий страх. Схожим с бессознательным образом функционирует и тревога (или желание в психоаналитическом смысле, которое использовалось Лаканом до тревоги, но на структурном уровне оно аналогично тревоге): «тревога никогда не дана непосредственно в виде переживания, но является защитой против самой же тревоги, и в этом ее, тревоги, основная черта» [Смулянский А.Е., 2022, с. 14]. Тревога не является некоторой «субстанциальной» данностью, которая проявляет себя в различных переживаниях тревожного характера. Тревога сопротивляется самой себе в своих же собственных последствиях. В этом смысле тревога не является некоторой формой истока или центра, она сугубо периферийна и функциональна, т.к. собственное «*есть*» обретает не в форме присутствия, а в форме структурной функции, имеющей определенного рода круговой характер: речь идет о наличности тревожного переживания, в котором тревога не проявляется, но играет роль механизма защиты против самой же тревоги, но сам акт этой защиты и есть тревога как таковая. То же самое мы видели и выше, когда речь шла о том, каким именно образом *différance* играет роль первоначала

первоначала: также должна иметься, наличествовать определенная метафизическая первоначальность, некоторый исток, чтобы различае можно указать на самого себя, вскрывая первоначальность метафизического истока. Ни бессознательное (желание/тревога), ни *différance* не оказываются данными, о них нельзя говорить на языке метафизики присутствия, т.к. этот словарь нивелирует всю «революционность» этих концептов: бессознательное превращается в простой придаток *ego*, а *différance* оказывается просто бессмысленным понятием, которое может быть отброшено. Тем не менее, оба этих концепта даются без данности, улавливаются в собственном ускользании, поскольку лишь в ускользании и могут быть «даны» (хотя и не являются никогда данными). Бессознательное, например, никогда не может быть «сознательно» дано, поскольку таким образом действует невротический (не клинически-невротический) механизм рационализации, что сводит бессознательное к *ego*, создает иллюзорность автономии *ego* и возвращает философию к классической новоевропейской философии субъекта. Оно всегда может быть открыто лишь как нечто отсутствующее, а бессознательное желание всегда оказывается «желанием нехватки».

Субъективность и письмо

Деррида задается вопросом о том, почему Фрейд для описания работы сновидения пользуется метафорой письма (пишущей машины), а не речи, притом письма не фонетического, а иероглифического. Субъект не предшествует письму — субъект оказывается следом самого себя в письме. Невозможно определить наличие субъекта как самотождественного и собственного до того, как различае вступило в игру, а значит, субъект скорее *становится* (и в равной степени стирается), нежели присутствует. «“Субъекта” письма не существует, если под ним мы подразумеваем некое суверенное одиночество писателя. Субъект письма — это система отношений между различными слоями: слоями магического блока, психического, общества, мира. Внутри этой сцены нельзя обнаружить пунктуальную или точечную простоту классического субъекта» [Деррида Ж., 2020b, с. 362–363]. Таким образом, «субъективность — производное письма» [Мазин В.А., 2010, с. 164]. Как субъективность об-

наруживает себя в пространстве письма, так и письмо оказывается топосом субъективности. Попытка помыслить о том, что такое субъект и почему в конечном счете оказывается невозможно говорить о субъекте с позиции «здравого смысла», — важный и непростой вопрос, ответ на который является скорее лишь подходом к этому ответу, но окончательным ответом — никогда.

Заключение

В интервью 2001 г. с Элизабет Рудинеско Деррида называет себя «другом психоанализа» [Rottenberg E., 2019, p. 101]. Мы можем сказать, что наша работа была посвящена тому, как можно понимать эту дружбу: Деррида является другом психоанализа в том смысле, что признает его заслуги, но в то же время друг — это не только тот, кто может оказать поддержку, но также тот, кто способен на наиболее полную критику. Именно такую дружбу Деррида выдерживает с психоанализом: он признает его заслуги в отношении открытия тех сфер, которые оказываются невидимыми с метафизических позиций, — так психоаналитическое понятие «последствия» в отношении его функции воплощается в *différance*, формируя особую структуру временности, в которой точка настоящего в определенном смысле теряет свое первенство. В то же время Деррида критикует фрейдовский психоанализ, к примеру, за его метафизическую веру в натурализм и следующий отсюда редукционизм. Тем не менее, прояснение отношений между психоанализом и деконструкцией позволяет нам лучше усвоить те концепты, которые стоят за используемыми в этих учениях терминами: так, определенная темпоральная парадоксальность последствия открывает временное измерение *différance*. Деконструкция субъекта проясняет особую логику функционирования бессознательного, которая не допускает расхожую «метапсихологическую» трактовку бессознательного как «подсознательного»; сознание в этом смысле не «первично». Письмо — это не письмо в расхожем смысле, в письме переосмысливается «метафизическая» субъективность: субъект письма — не пишущий, а скорее тот, кто в письме пишется. Любая «первоначальность» и «источность», полагаемая классической метафизикой (логика снятия), не может функционировать без опре-

деленного измерения, которое для самой этой логики остается скрытым, — это измерение, которое мы называли «логикой смещения»; в каком-то смысле логика смещения первоначально не первоначала, но именно потому, что это первоначало не может быть положено как позитивное первоначало в метафизическом смысле, оно оказывается первоначалом первоначала, не существуя вне метафизической первоначальности — на это структурное свойство особым образом и указывает *différance*. В этой точке классический субъект расщепляется, а классический дискурс начинает децентрироваться, и в этой разорванности открывается та первоначальность, которая не может утвердиться иначе, чем описанием и в то же время перформативным созданием этого ускользания.

Список литературы

- Азарова Ю.О. Гегель и Деррида: философия, язык, рефлексия // *Философский журнал*. 2015. Т. 8, № 2. С. 82–111.
- Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр., вступ. ст. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Деррида Ж. Письмо к японскому другу / пер. с фр. А.В. Гараджи // *Вопросы философии*. 1992. № 4. С. 53–57.
- Деррида Ж. Различае // Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2012. С. 24–51.
- Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2020. С. 447–468.
- Деррида Ж. Фармация Платона // Деррида Ж. Диссеминация / пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 71–218.
- Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академ. проект, 2020. С. 321–371.
- Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда / пер. с фр. А.К. Черноглазова // *Московский психотерапевтический журнал*. 1996. № 1. С. 25–58.
- Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
- Мазин В.А. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетейя, 2010. 256 с.

Смулянский А.Е. Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии. М.: РИПОЛ классик, 2022. 496 с.

Фрейд З. Девушка, которая не могла дышать // *Знаменитые случаи из практики психоанализа: сб. ст.* / пер. под общ. ред. А.А. Юдина. М.: REFL-book, 1995. С. 13–25.

Фрейд З. Толкование сновидений: пер. с нем. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2005. 490 с.

Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / пер. с нем. Т.В. Васильевой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая шк., 1991. С. 28–68.

Rottenberg E. For the Love of Psychoanalysis: The Play of Chance in Freud and Derrida. N.Y.: Fordham University Press, 2019. 272 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780823284139>

References

- Azarova, Yu.O. (2015). [Hegel and Derrida: philosophy, language, reflection]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 8, no. 2, pp. 82–111.
- Derrida, J. (1992). [The letter to a Japanese friend]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 53–57.
- Derrida, J (2000). *O grammatologii* [Of grammarology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.
- Derrida, J. (2007). [Plato's pharmacy]. *Derrida Zh. Disseminatsiya* [Derrida J. Dissemination]. Yekaterinburg: U-Factoria Publ., pp. 71–218.
- Derrida, J. (2012). [Différance]. *Derrida Zh. Polya filosofii* [Derrida J. Margins of philosophy]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., pp. 24–51.
- Derrida, J. (2020). [Freud and the scene of writing]. *Derrida Zh. Pis'mo i razliche* [Derrida J. Writing and Difference]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., pp. 321–371.
- Derrida, J. (2020). [Structure, sign, and play in the discourse of the human sciences]. *Derrida Zh. Pis'mo i razliche* [Derrida J. Writing and Difference]. Moscow: Academicheskii Proekt Publ., pp. 447–468.
- Freud, S. (1995). [The girl who couldn't breathe]. *Znamenityye sluchai iz praktiki psikhoanaliza* [Great Cases in Psychoanalysis]. Moscow: REFL-book Publ., pp. 13–25.
- Freud, S. (2005). *Tolkovanie snovideniy* [The Interpretation of dreams]. Moscow: AST Publ., Minsk: Harvest Publ., 490 p.
- Heidegger, M. (1991). [The saying of Anaximander]. *Haydegger M. Razgovor na proselochnoy doroge* [Heidegger M. Country Path Conversations]. Moscow: Vyshaya Shkola Publ., pp. 28–68.

Lacan, J. (1996). [The instance of the letter in the unconscious, or reason since Freud]. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Journal of Psychotherapy]. No. 1, pp. 25–58.

Latour, B. (2013). *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obschestva* [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: European University Publ., 414 p.

Mazin, V.A. (2010). *Sub'ekt Freyda i Derrida* [The subject of Freud and Derrida]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 256 p.

Rottenberg, E. (2019). *For the love of psychoanalysis: The play of chance in Freud and Derrida*. New York: Fordham University Press, 272 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780823284139>

Smulyanskiy, A.E. (2022). *Ischezayuschaya teoriya. Kniga o klyuchevykh figurakh kontinental'noy filosofii* [Vanishing theory. A book on key figures in continental philosophy]. Moscow: RIPOL Classic Publ., 496 p.

Об авторе

Диль Игорь Владимирович
магистрант философского факультета

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: sigerousgo@mail.ru
ResearcherID: KGL-6409-2024

About the author

Igor V. Dil
Master's Degree Student, Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: sigerousgo@mail.ru
ResearcherID: KGL-6409-2024